

УДК 82.0:801.6

Жигалов А.Ю.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

**ИЗУЧЕНИЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
В ЧЕХОСЛОВАКИИ 1920-1930 ГГ.**

A. Zhigalov

Moscow State University

**THE STUDY OF "THE RUSSIAN PRIMARY CHRONICLE"
IN THE CZECHOSLOVAK REPUBLIC IN 1920-1930S**

Аннотация. Статья посвящена русско-чехословацким культурным и научным контактам, а также феномену Русской Праги, ставшей в 20-30 гг. XX в. центром развития европейской гуманитарной мысли и прибежищем эмиграции. Ниже приведены материалы, связанные с одним из аспектов изучения древнерусской литературы за рубежом — обращением к «Повести временных лет» в Чехословакии 1920-1930 гг.: 1) краткий обзор работ русских учёных-эмигрантов — представителей дореволюционных научных школ, 2) сведения о переводах ПВЛ, выполненных чешскими и словацкими исследователями.

Ключевые слова: Чехословакия 1920-1930 гг., Русская Прага, эмиграция, история изучения древнерусской литературы, летописание, «Повесть временных лет», Е.Ю. Перфецкий, В.А. Погорелов, Милош Вейнгарт, Карел Эрбен.

Annotation. The article is devoted to Russian-Czechoslovak cultural and scientific contacts, the phenomena of Russian Prague. In 1920-1930s Prague became the center of European humanities and emigration. It also contains some materials on the history of studying "The Russian Primary Chronicle" ("The Tale of Bygone Years") in the Czechoslovak Republic in 1920-1930s: 1) the short review of works of Russian emigrants scientists; 2) information about translations of "The Russian Primary Chronicle" made by Czech and Slovak researches.

Key words: the Czechoslovak Republic in 1920-1930s, Russian Prague, emigration, the history of study of Old Russian Literature, chronicles, "The Russian Primary Chronicle" ("The Tale of Bygone Years"), E. Perfeckij, V. Pogorelov, M. Vejngart, K. Erben.

К 900-летию «Повести временных лет»

Прагу 1920-1930 гг. называли подлинной академической столицей русского зарубежья, вторым Оксфордом. Значительную часть эмигрантов составляли здесь учёные, педагоги и студенты — представители интеллектуальных кругов. Были среди них и филологи-слависты, литературоведы, исследователи духовного наследия Древней Руси: произведений средневековой словесности, дошедших до нас летописных сводов. Старейший из них по-прежнему вызывал дискуссии. Так Русская Прага открывала для себя страницы «Повести временных лет» (ПВЛ).

Одним из известнейших медиевистов, трудившихся в ЧСР между мировыми войнами, был *Евгений Юлианович Перфецкий* (укр. Євген Перфецький) (1888 – 1947), украинский историк и славист, уроженец Холмской губернии, «прямой ученик и последователь А.А. Шахматова» [1, с. 338]. В 1921 году он эмигрировал в Чехословакию, где стал работать на философском факультете Карлова университета в Праге, затем был профессором истории России в университете имени Яна Амоса Коменского в Братиславе. В круг научных интересов Е.Ю. Перфецкого вхо-

дили вопросы развития восточной Европы, особенно в эпоху Средневековья. При этом он анализировал разные источники, в том числе и летописные своды, применяя сравнительно-исторический метод, разработанный академиком А.А. Шахматовым. В 1922 году в «Трудах философского факультета университета Коменского» Е.Ю. Перфецкий опубликовал исследование «Русские летописные своды и их взаимоотношения» [3], посвящённое сопоставлению различных памятников книжности Древней Руси, среди которых была и ПВЛ. Спустя десять лет учёный сравнил русские летописи с двенадцатитомной «Историей Польши» Яна Длугоша, работу «*Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví*» издали на чешском языке [4]. В литературной истории Русской Праги это был один из первых опытов компаративистики применительно к древним текстам. Работая над статьёй, учёный рассмотрел фрагменты ПВЛ, сообщающие о разделении земель, расселении племён, и другие сведения, помещённые в начале памятника, и заключил: при составлении «Истории...» Ян Длугош обращался к русским сводам. Известна и третья работа Е.Ю. Перфецкого о летописании: «*K otázce doby vzniku letopisného svodu Nikonovského*» [5], опубликованная в журнале «*Bratislava*». В ней автор поднимал вопрос о времени возникновения Никоновского свода.

Ещё один «русский пражанин», занимавшийся изучением «Повести временных лет» и других летописных произведений, – филолог Валерий Александрович Погорелов (1872 – 1955). Он родился в Санкт-Петербурге, в 1919 году эмигрировал в Болгарию (поселился в Софии), спустя четыре года переехал в Братиславу, где опубликовал свою докторскую диссертацию «Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы» [6]. Именно это – древнейшие переводные славянские памятники, в том числе и средневековые русские тексты, – главный объект его исследований. Кроме того, в сферу научных интересов В.А. Погорелова входили оригинальные произведения, а также межлитературные связи, отразившиеся в них.

Работа Погорелова «*Ruský letopis Nestorov a Slovensko*» («Русская летопись Нестора и Словакия»). Перевод наш. – А. Ж.) [13], опубликованная в братиславском журнале «*Kultura*» («Культура») и посвящённая «Повести временных лет», содержала ценную информацию о том, как, когда и почему словаки обращались к древнейшему русскому летописному своду. В.А. Погорелов занимался изучением Саввиной книги. Он читал лекции по истории славянских литератур в Братиславском университете имени Яна Амоса Коменского – там же, где преподавал и Е.Ю. Перфецкий.

Летопись Нестора – так называют ПВЛ в Европе – была предметом пристального изучения не только в Профессорском Доме, центре научной жизни эмиграции, но и в собственной академической среде Чехословакии, формировавшейся столетиями в университетах Праги, Брно, Братиславы.

Обращения чешских и словацких исследователей к «Повести временных лет» никогда не были случайными. Впервые интерес к этому памятнику проявился в период национального возрождения (конец XVIII – первая половина XIX вв.), для которого было характерно не только повышенное внимание к истории, но и развитие идеи о древнем происхождении славянских народов, их единстве – мысли, отражённой, как известно, в ПВЛ. Один из «будителей», пробуждающих народ деятелей национального возрождения в Чехии и Словакии, Людовит Штур, в работе о ранней истории словаков «*Najstaršie príhodi na zemi Uhorskej a jej základi*» [15] ссылаясь на «Повесть временных лет». Словацких учёных она привлекала прежде всего известиями о солунских братьях, посетивших некогда Великоморавское государство. Эта территория включала современные Венгрию, Чехию, Словакию, часть Украины и Польши, а также историческую область Силезию. Именно в русской летописи словаки обнаруживали «свидетельство о важности роли Кирилла и Мефодия в истории славянских народов... а словечко «словенский» (*Slovenské (словацк.)*) – словац-

кий. Перевод наш. — А. Ж.), употребляемое авторами «Повести...», становилось подтверждением историчности словацкого народа, аргументировало право словацкой нации на своё самостоятельное существование» [2, с. 113]. Кроме того, апеллирование к ПВЛ в годы национального возрождения можно рассматривать как своеобразный дипломатический шаг: чехи и словаки видели в лице Российской империи гаранта собственной независимости и безопасности. Похожая ситуация возникнет и в 1918 году, когда президент молодой Чехословацкой республики Т.Г. Масарик начнёт приглашать в Прагу представителей русской интеллигенции.

В 1802 – 1808 г. Август Шлёцер издал ПВЛ в латинской транскрипции [14], что позволило чешским и словацким исследователям тщательнее изучить летописный свод, т. к. кириллические тексты были им практически недоступны и не всегда понятны. Последовали отклики в виде публицистических и научных статей. Лишь в 1860 г. в Праге опубликовали перевод фрагмента из «Поучения детям» Владимира Мономаха [11], а спустя четыре года в Брно были напечатаны отрывки из ПВЛ, посвящённые первой христианке на Руси – княгине Ольге [12]. Но главным событием, связанным с «Повестью временных лет», во второй половине XIX века, чехи, без сомнения, считают перевод памятника на их родной язык Карлом Яромиром Эрбеном [9]. По мнению ряда учёных, обращения к Летописи на протяжении всего девятнадцатого столетия были обусловлены не только живым научным интересом, но и историко-политическим контекстом: тысячелетием Российского государства, 900-летием со дня принятия христианства на Руси и т. д. Так, Ю. Доланский, например, говорил, что основная задача перевода ПВЛ, выполненного К. Эрбеном, – «демонстрировать любовь чехов к России в ситуации, когда... Вена хотела нас (чехов. – А. Ж.) прижать к стене вместе с остальными угнетёнными национальностями Австрии» [8, с. 303].

Чехословацкие филологи не переставали апеллировать к «Повести временных лет» и в

первой половине XX века. Межвоенный период был отмечен подготовкой к новому изданию знаменитого перевода Карла Эрбена. В числе прочих в этой работе участвовал основатель журнала «Byzantinoslavica» Милош Вейнгарт, исследователь древнейшего русского летописного свода. «Byzantinoslavica» – чешский журнал, в котором публикуются статьи, рецензии и обзоры по византиноведческой тематике, уделяется внимание византийско-славянским отношениям. Милош Вейнгарт был редактором первых семи тетрадей «Византинославика», вышедших с 1929 по 1938 гг. В готовящуюся книгу было включено «Предисловие» к изданию 1867 года, в котором К. Эрбен объяснял необходимость перевода ПВЛ на чешский язык: «Из простого народа мало кто знает имя Нестора, этого праотца истории русской... и славянской вообще, но даже из образованных кругов мало кто читал его летопись, а если и читал, то только по отрывочному и во многом неправильному переводу Шлёцера и Мюллера; это потому, что подлинный текст летописи является у нас ценнейшей редкостью, а также потому, что не так легко понять язык Нестора» [8, с. 21-22]. Возможно, ситуация, описанная К. Эрбеном, сохранялась и в Чехословакии 1920-1930 годов: «мало кто» был знаком с «Повестью временных лет», слышал о Несторе-летописце. Впрочем, существовала и другая, нелитературная, вненаучная причина подготовки второго издания именно в этот период – фашистская оккупация, превратившая независимую Чехословацкую республику в Протекторат Богемии и Моравии. Учитывая это, исследователи называли обращение чехов к «Повести временных лет» – произведению, прославляющему мужество и отвагу, воинскую честь и верность Родине, – поступком политическим.

Работая над вторым изданием, сличая чешские строки с древнерусским текстом, М. Вейнгарт восхищался мастерством переводчика. Редактор «Византинославика» дал краткую, но ёмкую и предельно точную характеристику работе К. Эрбена: а) языковое совершенство; б) сохранение древнего, ар-

хаического колорита оригинала без насильственного вмешательства в него; в) научная точность; г) правильное толкование значения текста. Милош Вейнгарт добавлял, что автору перевода удалось «1) избежать русизмов, но и не стереть русскую окраску, 2) придать переводу атмосферу древних и метких чешских памятников, 3) оттенить и наивную простоту несложных эпизодов народного характера, и церковную возвышенность текстов, приспособленных к библейскому духу» [2, с. 116].

В 1940 году пражское издательство «Melantrich» выпустило второе издание «Повести временных лет» на чешском языке. Перевод вошёл в пятый том Собрания сочинений К.Я. Эрбена. Его труд повлиял на работу последующего поколения исследователей: М. Вейнгарта, А. Грунда, В. Бехинёвой, Ю. Доланского и др. Третье издание ПВЛ вышло в Праге уже в 1954 году.

В Чехословакии 1920-1930 годов к «Повести временных лет» обращались не только русские эмигранты и чешские слависты, проживавшие в Праге, Брно, Братиславе и других крупных научных центрах. Была и третья группа филологов-медиевистов, апеллировавших в своих работах к древней летописи, – советские учёные, жители метрополии, писавшие в СССР, но публиковавшиеся за его пределами, например, в пражских газетах и журналах (таких как «Slavia», «Byzantinoslavica» и др.). Предметом анализа в их исследованиях нередко становились целые своды, обширные тексты, десятки погодных записей... Но порой краткий, хорошо изученный фрагмент произведения рождал новую, оригинальную, продуманную концепцию. Примером может служить статья А.Д. Седельникова, сотрудника Государственного исторического музея, «Древняя киевская легенда об апостоле Андрее» [7] и ряд др.

Таким образом, интерес к средневековой русской книжности в целом и «Повести временных лет» в частности в Чехословацкой республике не угасал никогда. И даже непростой с экономической и политической точки зрения межвоенный период был отмечен вы-

дающимися, значимыми для медиевистики славистическими работами чехов, словаков, «русских пражан»-эмигрантов и советских учёных, находивших в ЧСР возможность сказать то, о чём уже не говорили дома...

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. – СПб., 2011. – 928 с.
2. Ковачичова О. Переводы «Повести временных лет» в чешском и словацком литературном контексте // Пути к друзьям. Из истории чешско-словацко-русских и советских литературных отношений и контактов. – Praha, 1986. – С. 112-121.
3. Перфецкий Е.Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения=Ruské letopisné svody a jejich vzájemný poměr. Братислава, 1922. – 101 с.
4. Перфецкий Е.Ю.=Perfekcyj E. Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví. – Praha, 1932. – 120 s.
5. Перфецкий Е.Ю.=Perfekcyj E. K otázce doby vzniku letopisného svodu Nikonovského // Bratislava. Roč. 5, č. 5. – Bratislava, 1931. – S. 816-826.
6. Погорелов В.А. Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы (2 т.). Братислава, 1925-1927. – 140 с.
7. Седельников А.Д. Древняя киевская легенда об апостоле Андрее // Slavia. Ročník III, seřit 2 a 3. Praha, 1924. – С. 316-335.
8. Dolanská J. Předmluva. Na okraj Nestorova Letopisu // Nestorův letopis ruský. – Praha, 1954. – S. 21-22, 300-303.
9. Erben K. J. Nestorův letopis ruský. Pověst dávných let. – Praha, 1867. – 360 s.
10. Erben K. J. Nestorův letopis ruský. Pověst dávných let (второе издание). – Praha, 1940. – 360 s.
11. Naučení, které dal synům svým Vladimír Monomach, veliký kníže ruský. Přel. Jos. Č. (Автор перевода неизвестен) // Obecné listy naučné. № 1. Praha, 1860. – S. 71-73.
12. Olga, první křesťanská kněžna ruská. Výňatek z kroniky Nestorovy (Автор перевода – К. Я. Эрбен) // Slavnostní album Cyrilo-Methodějský. – Brno, 1864. S. 109-115.
13. Pogorelov V. Ruský letopis Nestorov a Slovensko // Kultura. № 5. – Bratislava, 1933. – S. 536-539.
14. Schlözer August Ludwig. Несторъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen GrundSprache. Göttingen, 1802-1809. V. 1-5.
15. Štúr Ludevít Velislav. Najstarše príhodi na zemi Uhorskej a jej základi // Orol tatranski. – № 1. Bratislava, 1845. 1-45.
16. Weingart M. Po 50 letech od smrti Erbenovy // Národní listy. – Praha, 1920. 26-11.